

В. В. Забродина, А. Г. Меньшикова

**«ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ»
ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ**

Авторами в статье рассматриваются проблемы установления квалифицирующего признака «использование служебного положения» при совершении мошенничества. На основании анализа доктрины уголовного права, разъяснений высшей судебной инстанции, материалов конкретной судебной практики, определяется круг субъектов, относящихся к лицам, использующим служебное положение, а также порядок и механизм использования служебного положения при мошенничестве. По результатам исследования предлагается включить в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнительные разъяснения, раскрывающие понимание содержания признака «использование служебного положения». Авторами предлагается расширить понимание субъекта служебного мошенничества. Подобные положения будут способствовать единообразию в правоприменительной деятельности и помогут избежать ошибок в квалификации мошенничества с использованием служебного положения.

Ключевые слова: мошенничество, служебное положение, служебные полномочия, постановление Пленума Верховного Суда РФ.

V. V. Zabrodina, A. G. Menshikova

**«USE OF OFFICE POSITION» WHEN COMMITTING FRAUD:
PROBLEMS OF APPLICATION**

The authors in the article consider the problems of establishing the qualifying feature «use of official position» when committing fraud. Based on the analysis of the doctrine of criminal law, clarifications of the highest court, materials of specific judicial practice, a circle of subjects related to persons using their official position is determined, as well as the procedure and mechanism for using official position in fraud. According to the results of the study, it is proposed to include in the current resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement» additional clarifications that reveal the understanding of the content of the sign «use of official position». The authors propose to expand the understanding of the subject of official fraud. Such provisions will promote uniformity in law enforcement and help avoid qualifying fraud using official position errors.

Key words: fraud, official position, official powers, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

В настоящее время в России мошенничество является одним из самых распространенных преступлений. Так, из всех зарегистрированных в 2020 г. преступлений против собственности, около 27,5 % приходится на мошенничество, а прирост данного преступления по сравнению с 2019 г. составил 30,5 % [1]. Наряду с высокими показателями статистических данных, в теории уголовного права и в правоприменительной практике существует немало проблем, относительно установления признаков мошенничества.

Одной из таких проблем является толкование и применение норм о «служебных мошенничествах». Мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), является особо квалифицированным составом преступления, что

свидетельствует о повышенной степени общественной опасности. Неправильное установление всех необходимых признаков рассматриваемого преступления влияет на квалификацию содеянного, а соответственно, и на назначение справедливого наказания.

Основной уголовно-правовой характеристикой «служебного мошенничества» является определение содержания понятия «использование служебного положения». В действующем уголовном законодательстве во многих составах преступления законодатель использует данный квалифицирующий признак, но ни в одной статье не раскрывает его содержание. Верховный Суд РФ при толковании норм о мошенничестве, раскрывая данный признак, указывает только лишь на характеристики субъекта, использующего такое положение, но не определяет механизм и порядок такого использования.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» исчерпывающим образом определен круг лиц, относящихся к субъектам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. К таковым лицам высшая судебная инстанция относит:

- 1) должностных лиц, обладающих признаками, указанными в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ;
- 2) государственных и муниципальных служащих;
- 3) лиц, обладающих признаками, указанными в п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ [2, п. 29].

Но, несмотря на исчерпывающий перечень субъектов, указанных в разъяснении Верховного суда РФ, в доктрине уголовного права до сих пор ведутся дискуссии относительно того, кого следует признавать лицом, использующим свое служебное положение. Единство мнений по данному вопросу отсутствует. С определенной долей условности можно выделить несколько позиций, сложившихся в доктрине уголовного права, по данному вопросу.

Так некоторые авторы, в частности, Н. А. Лопашенко и А. И. Рарог, полагают, что помимо названных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ лиц, к субъектам, использующим свое служебное положение необходимо дополнительно относить лиц, не наделенных управленческими функциями [3, с. 387]. Н. А. Егорова придерживается аналогичной позиции и предлагает расширить понятие субъекта, использующего своего служебное положение, до «иных служащих организации, независимо от формы собственности» [4, с. 21]. Однако судебная практика не поддерживает такой расширительный подход и квалифицирует действия, руководствуясь действующим разъяснением Пленума Верховного Суда РФ.

Так, Президиум Кемеровского областного суда рассмотрел уголовное дело по кассационному определению прокурора о пересмотре приговора Прокопьевского районного суда Кемеровской области в отношении Л., которым он осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Л., являясь механиком вспомогательной горноспасательной команды шахтоуправления, путем обмана совершил хищение имущества, принадлежащего АО, с использованием служебного положения. Прокурор просил переквалифицировать действия Л., так как он не обладал признаками специального субъекта. Л. не являлся должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, не был наделен управленческими функциями. Президиум с доводами прокурора согласился и изменил приговор в отношении Л., переквалифицировав его действия на ч. 1 ст. 159 УК РФ [5].

Проанализировав приговор Прокопьевского районного суда Кемеровской области, можно прийти к выводу о том, что суд первой инстанции должным образом не установил признаки специального субъекта мошенничества. В приговоре конкретизированы только действия, которые совершал Л. для совершения хищения чужого имущества, но не указано, что Л. являлся должностным лицом, государственным или муниципальным служащим либо лицом, выполняющим управленческие функции в организации [6].

На наш взгляд, органы предварительного расследования и суд первой инстанции допустили ошибку и не учли действующие разъяснения высшей судебной инстанции, признав Л. лицом, использующим свое служебное положение. Следует согласиться с переквалификацией Президиумом действий Л. Судом первой инстанции необоснованно установлено наличие в действиях Л. квалифицирующего признака, предусмотренного ч.3 ст.159 УК РФ. Указанное

нарушение существенно повлияло на квалификацию содеянного, в связи с чем, повлекло назначение чрезмерно строгого наказания.

Аналогичную ошибку допустили органы предварительного следствия по уголовному делу в отношении А., которая обвинялась в совершении мошенничества с использованием служебного положения. А., работая в должности почтальона, взяла из картотеки квитанцию почтового перевода, в которой собственноручно вписала вымышленные данные, тем самым оформив документ на получение денежных средств. Затем А. подошла к начальнику почтового отделения и попросила выдать ей денежные средства, якобы для ее хорошего знакомого. Начальник почтового отделения, введенная в заблуждение, по оформленному документу из кассы передала денежные средства обвиняемой.

Суд, рассмотрев материалы уголовного дела, пришел к выводу, что органы предварительного следствия допустили ошибку в квалификации содеянного. Подсудимая выполняла функции почтальона по заключенному трудовому договору, в силу которого она не обладала управленческими, организационно-распорядительными или административными функциями. Следовательно, вменение признака «с использованием своего служебного положения» является излишним [7].

Б. В. Волженкин соглашался с общепринятой точкой зрения, сложившейся в правоприменительной практике, считая, что лицами, использующими свое служебное положение, являются должностные лица, государственные и муниципальные служащие, а также лица, выполняющие управленческие функции в организации. С позиции автора, лица, не наделенные управленческими функциями, должны нести ответственность, как общие субъекты уголовного права [8, с. 285].

Также в литературе встречается точка зрения, согласно которой необходимо ограничивать круг лиц, которые используют свое служебное положение для совершения мошенничества, относя к ним лишь должностных лиц и лиц, выполняющих свои управленческие функции в коммерческой или иной организации. А. В. Шнитенков считает, что совершение преступления государственным или муниципальным служащим не свидетельствует о повышенной опасности преступления, соответственно, таким субъектам не нужно вменять данный квалифицирующий признак [9].

С данной точкой зрения, на наш взгляд, согласиться нельзя, так как служебные полномочия государственного или муниципального служащего значительно повышают степень общественной опасности содеянного. А это, в свою очередь, должно учитываться при квалификации и назначении виновному справедливого наказания. Даже оставаясь рядовым служащим, у субъекта есть возможность оказать содействие, повлиять, принять решение, действуя в рамках своих полномочий.

Странной выглядит позиция Верховного Суда РФ в той части, что специальным субъектом признают служащих, которые не являются должностными лицами, но не признают лиц, которые не являются управленцами. Поэтому нам представляется интересной позиция тех авторов, которые придерживаются расширительного подхода в определении субъекта служебного мошенничества. Использование не только властных и управленческих, но и других служебных и трудовых функций, значительно упрощает введение потерпевших в заблуждение по сравнению с «классическим» мошенничеством. Например, любому рядовому сотруднику организации намного проще похитить имущество, чем любому постороннему лицу.

Необходимо обратиться к определению содержания признака использования служебного положения при совершении мошенничества. Данный вопрос в настоящее время является предметом острой дискуссии среди юристов и правоведов. При такой форме хищения, как мошенничество, способом совершения деяния выступает обман или злоупотребление доверием, использование служебного положения является дополнительным способом совершения преступления, который значительно облегчает преступнику ввести в заблуждение потерпевшего и заслужить его доверие.

В научной литературе применительно к определению содержания служебного положения существуют в основном два подхода. Некоторые трактуют данный признак состава преступления в узком смысле, некоторые в широком, но сколько бы точек зрения не было предложено, понятие «использование служебного положения» так и не нашло закрепления в уголовном законодательстве.

Сторонники узкого толкования отождествляют использование служебного положения исключительно со служебными полномочиями. Так, А. Н. Игнатов применительно к мошенничеству под использованием лицом своего служебного положения понимает «действия лица в пределах своих служебных полномочий» [10, с. 411]. Е. Н. Карабанова придерживается аналогичной точки зрения и под использованием служебного положения понимает действия или бездействия лица, которое совершается только в рамках служебной компетенции [11, с. 52]. С. В. Архипов считает, что мошенничество с использованием служебного положения будет иметь место только в том случае, если лицо выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, не включая в этот круг профессиональные обязанности [12, с. 10].

Теоретики, которые придерживаются широкого подхода, не ограничивают служебное положение только служебными полномочиями. Так, Б. В. Волженкин предлагает учитывать иные возможности субъекта, которые исходят из занимаемого служебного положения и могут использоваться при совершении преступления [13, с. 290]. В. В. Сверчков также считает, что лицо может использовать не только своё служебное положение, но и профессиональный статус [14, с. 461]. А. В. Рясов под использованием служебного положения понимает совершение действий, которые не связаны с обязанностями лица по его службе, а основываются только на его авторитете и связях [15, с. 20]. В. В. Романова придерживается похожей позиции и считает, что одна из распространенных форм использования лицом служебного положения – это оказание влияния на других лиц в силу значимости и авторитета занимаемой должности [16, с. 28]. Но не все авторы согласны с указанной точкой зрения, в частности, по мнению Н.В. Мирошниченко использование авторитета не может являться формой использования служебного положения [17, с. 125].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не раскрывается содержание и порядок использования служебного положения. На наш взгляд, это является существенным недостатком, так как правоприменительные органы на свое усмотрение определяют данный признак, зачастую, ограничиваясь лишь установлением круга служебных полномочий виновного, не конкретизируя, в чем конкретно выразилось использование таких полномочий.

Суд апелляционной инстанции Липецкого областного суда рассмотрел уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя на постановление суда первой инстанции, которым уголовное дело в отношении Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренном ч. 3 ст. 159 УК РФ, было возвращено прокурору для устранения препятствий.

В частности, одним из таких препятствий, суд признал то, что в обвинительном заключении не было конкретизировано, в чем выражалось использование служебных полномочий Т. В апелляционном представлении прокурор просит отменить постановление суда, поскольку считает вывод суда необоснованным. Аргументируя свою позицию, прокурор утверждает, что действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ не содержит указания на то, что при мошенничестве с использованием служебного положения, необходимо конкретизировать, в чем конкретно выражалось использование служебного положения, и какие именно служебные полномочия использовал обвиняемый для совершения мошенничества.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с позицией прокурора и отменяя постановление суда первой инстанции, приходит к выводу, что действительно в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано лишь то, кого следует понимать под лицами, использующими свое

служебное положение. Таким образом, суд считает, что необходимо устанавливать только признаки специального субъекта, которые указаны в разъяснении суда высшей инстанции, конкретизации какие именно служебные полномочия использовал подсудимый, и как они повлияли на достижение преступного результата, не требуется [18].

Мы не согласны с позицией суда апелляционной инстанции и считаем, что при мошенничестве для вменения квалифицирующего признака «с использованием служебного» положения необходимо в совокупности устанавливать и признаки специального субъекта, и те полномочия, которые использовал виновный для совершения хищения.

Но, по нашему мнению, уголовно-правовая характеристика понятия «служебное положение» не должна ограничиваться использованием лицом только служебных полномочий для совершения мошенничества. Служебное положение означает наличие определенного авторитета в силу службы и профессионального статуса лица. Конечно, не стоит расширять круг субъектов до бесконечности, не следует относить к кругу субъектов служебного мошенничества лиц, исполнение профессиональных обязанностей которых не подразумевает ни наличия авторитета, ни принятия решений, позволяющих использовать свое положение для осуществления обмана или злоупотребления доверием.

Необходимо отметить, что и в правоприменительной практике наблюдаются случаи отступления от стандарта, заложенного в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48. В частности, встречаются случаи вменения квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, лицам, не обладающим соответствующими признаками, указанными в разъяснении высшей судебной инстанции.

Вызывает интерес приговор Клинского городского суда Московской области в отношении Ш., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Ш. на основании трудового договора выполняла трудовые функции кредитного специалиста в финансовой организации. Ш., имея умысел на мошенничество, находясь на рабочем месте, заключила от имени клиента без его ведома договор потребительского кредита. Клиент, не намереваясь заключать договор, будучи обманутым Ш., путем умалчивания о совершаемых ею действиях, подписал указанный кредитный договор. Затем Ш. незаконно завладела картой, получив тем самым доступ к банковскому счету, с которого в дальнейшем сняла денежные средства.

Органами предварительного следствия действия Ш. были квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ с вменением признака «с использованием служебного положения». Суд первой инстанции согласился с квалификацией содеянного и признал Ш. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ [19].

В приговоре суда не указано о том, что Ш. обладала признаками специального субъекта мошенничества, Ш. не являлась должностным лицом и не была наделена управленческими функциями. В приговоре указано, лишь то, что Ш. выполняла свои трудовые функции, воспользовалась своим служебным положением и совершила мошенничество. Таким образом, в суде не были установлены признаки, которые указаны в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Но, на наш взгляд, с квалификацией суда следует согласиться. Так как Ш., оставаясь рядовым кредитным специалистом, имела, как правило возможность оказать содействие, повлиять на клиента и принять решение о заключении договора потребительского кредита. Справедливо А. И. Бойцов отмечает, что «одно дело, когда физическое лицо, полагаясь только на свои особенности, вводит потерпевшего в заблуждение, и совсем другое, когда это делает служащий, опираясь на свое положение и профессиональный статус [20, с. 638].

Действительно, Ш., выполняя свои трудовые функции, существенно облегчила процесс совершения хищения путем обмана, значительно увеличилась шансы доведение преступления до конца. Если бы Ш. не выполняла свои трудовые функции кредитного специалиста, вряд ли бы ей удалось совершить мошенничество таким способом.

Таким образом, «использование служебного положения» должно включать в себя несколько составляющих:

1. использование лицом своих служебных полномочий, профессионального статуса и трудовых функций, которые значительно облегчают совершение мошенничества;
2. использование лицом авторитета занимаемой должности, служебных связей в целях оказания влияния на других лиц для облегчения совершения мошенничества.

Так, в Екатеринбурге директор Института геофизики был осужден за совершение мошенничества с использованием служебного положения. Согласно фактическим обстоятельствам, указанным в приговоре суда, М., используя занимаемую должность, убедил подчиненного сотрудника, желающего уволиться, написать заявление о переводе на ½ ставки. После чего М. дал распоряжение главному специалисту отдела кадров подготовить приказ о переводе работника на половину ставки. Специалист, исходя из того, что находилась в подчинении М., и не была осведомлена о его преступных действиях подготовила приказы. Также М. давал распоряжения лаборанту о внесении в таблицы учета рабочего времени фамилию работника, который числился на ½ ставки, но фактически не исполнял свои обязанности. Впоследствии этому сотруднику на карту перечислялась заработная плата, которой незаконно завладевал директор [21].

Таким образом, в данном примере, М. для совершения мошенничества использовал свой авторитет, вытекающий из занимаемой должности. У сотрудников, которым М. давал распоряжения об издании приказов и внесении сведений, не соответствующих действительности, не возникало сомнений относительно правомерности выполнения распоряжений директора.

Мы считаем, что степень общественной опасности «служебного» мошенничества существенно повышается, не только за счет того, что лица используют свои служебные полномочия, но и оказывают влияние, исходя из значимости и авторитета занимаемой должности, на других лиц, в целях совершения мошенничества.

Проанализировав уголовно-правовую литературу, действующее законодательство и судебную практику, можно прийти к выводу, что в настоящее время существует несколько проблем, касающихся квалификации состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. В частности, среди теоретиков до сих пор продолжаются дискуссии относительно того, каких лиц признавать субъектами «служебного» мошенничества, судебная практика также допускает ошибки в установлении признаков данного специального субъекта мошенничества. Вторая проблема заключается в том, что в законодательстве и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ относительно мошенничества, отсутствует конкретное и точное определение понятия «использование служебного положения».

Для решения указанных проблем, по нашему мнению, следует внести изменения в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В частности, необходимо расширить круг субъектов, использующих свое служебное положение. Для этого следует дополнить перечень субъектов, закрепленных в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48: «иными служащими организации, независимо от формы собственности, не наделенными управленческими функциями, но использующими свои трудовые функции для облегчения совершения мошенничества или присвоения и растраты».

Представляется целесообразным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 закрепить разъяснение «использования служебного положения». К которому предлагается отнести – «использование лицом в целях совершения мошенничества или присвоения и растраты своих властных и иных служебных полномочий, профессионального статуса и трудовых функций, а равно наличие возможности оказать влияние, исходя из значимости и авторитета занимаемой должности, на потерпевших, а также на действия и решения иных лиц, находящихся в служебной зависимости».

А также необходимо в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 добавить пункт следующего содержания: «при установлении признака «использование служебного положе-

ния» необходимо конкретизировать, какие служебные полномочия и трудовые функции использовало виновное лицо для совершения преступления, и как они повлияли на достижение преступного результата».

Данные предложения позволят исключить произвольное толкование квалифицирующего признака мошенничества «использование служебного положения» со стороны правоприменительных органов и будут способствовать единообразию в следственной и судебной практике при квалификации «служебного» мошенничества.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года. – Текст : электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 11.05.2021).
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 : от 30.11.2017. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2017. – 11 декабря. – № 280.
3. Уголовное право России: части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. И. Рарога. – 6-е издание. – Москва : Проспект, 2016. – 442 с. – Текст : непосредственный.
4. Егорова, Н. А Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов / Н. А. Егорова. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 19–22.
5. Постановление Президиума Кемеровского областного суда по делу № 44У-146/2017 : от 16.10.2017. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=216713#014917283525114167> (дата обращения: 10.04.2021).
6. Приговор № 1-73/2017 по делу № 1-73/2017 : от 29 мая 2017 года. – Текст : электронный // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/xrXiNH9CUp6r/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular- (дата обращения: 03.03.2021).
7. Приговор № 1-41/2015 1-584/2014 по делу № 1-41/2015 : от 19 января 2015 года // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/oXl3yvx6uRQv/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular- (дата обращения: 03.03.2021).
8. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – Москва : Юрист, 2000. – 368 с. – Текст : непосредственный.
9. Шнитенков, А. В. Использование служебного положения как квалифицирующий признак преступлений / А. В. Шнитенков. – Текст : непосредственный // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского конгресса уголовного права, 29–30 мая 2008 года / ответственный редактор В. С. Комиссаров. – Москва : Проспект, 2008. – С. 333.
10. Игнатов, А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / А. Н. Игнатов. – 5-е издание, переработанное и дополненное ; под общей редакцией В. М. Лебедева. – Москва : Норма, 2007. – 412 с. – Текст : непосредственный.
11. Карабанова, Е. Н Проблемы квалификации сложных служебных преступлений / Е. Н. Карабанова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2016. – № 3. – С. 50–56.
12. Архипов, А. В. Хищение, совершенное с использованием своего служебного положения / А. В. Архипов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 9–17.
13. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – Москва : Юрист, 2000. – 368 с. – Текст : непосредственный.

14. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / В. В. Сверчков. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2013. – 589 с. – Текст : непосредственный.

15. Рясков, А. В. Признак «использование служебного положения» и его уголовноправовая оценка по уголовному законодательству России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Рясков. – Ростов-на-Дону, 2010. – 25 с. – Текст : непосредственный.

16. Романова, В. В. К вопросу о соотношении понятий «служебные полномочия» и «служебное положение» / В. В. Романова. – Текст : непосредственный // Криминалист. – 2016. – № 2. – С. 27–30.

17. Мирошниченко, Н. В. Совершение преступлений лицом с использованием служебного положения: проблемы квалификации и перспективы законодательной регламентации / Н. В. Мирошниченко. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2013. – № 3(45). – С. 122–126.

18. Апелляционное постановление № 22-13/2018 22-1783/2017 по делу № 22-13/2018 : от 11 января 2018 года. – Текст : электронный // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/4No5Z2nDIpbV/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular- (дата обращения: 19.05.2021).

19. Приговор № 1-192/2020 по делу № 1-192/2020 : от 2 июля 2020 года. – Текст : электронный // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RpaBМao2tvd1/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular (дата обращения: 15.05.2021).

20. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с. – Текст : непосредственный.

21. Приговор № 1-83/2015 по делу № 1-83/2015 : от 1 декабря 2015 года. – Текст : электронный // Общество научных работников (ОНР). – URL: <http://onr-russia.ru/sites/default/files/prigovor.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).